

СТО стихотворений
Галина ЩЕРБОВА

Москва
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Щ61

На обложке –
Г а л и н а П о п о в с к а я . В синь двора. 1973

Щербова, Галина.

Щ61 **Сто стихотворений.** – М. : Прогресс-Глеяда, 2013. – 108 с.
ISBN 978-5-7396-0272-5

Книгу Галины Щербовой составили избранные стихотворения, написанные в 1992–2013 годах, и сложившиеся в лирический дневник. Стремление к выразительной отчётливости слова, к психологической достоверности переживаний, к живописной объёмности деталей делают поэтический мир Галины Щербовой живым и зримым.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7396-0272-5 © Г. Щербова, 2013
© Д.В. Логинов, оформ. серии, 2013

НАЧАЛО

Все ушли далеко, голоса их едва долетают.
Сотни лютиков солнце едят глянцем маленьких ртов.
В ожидании чуда траву как волшебную книгу листаю.
Ты кладёшь в мой букет ослабевшие стебли цветов.

Солнце мчится по лесу мячиком первого сета.
Мы потерянно кружим под ясными взглядами мая.
Ты сказал: «Я... Смотри, как берёзы белы!»

Что ответить на это...

Я тревожно молчала, бессмысленность слов понимая.

1992

* * *

Вы шевелите сено на лугу.
Я поднимаюсь от реки из лога.
Меня не замечаете? Ей Богу,
заметили, но все движенья лгут!

Мы говорим, не слушая слова.
Я прядь со лба сдуваю то и дело,
запомню, что спросить хотела.
И всё стою, всё улыбаюсь вам.

Мешаются в душе соблазн и лень.
Двусмысленны ответы и вопросы.
В малиннике хозяйничают осы.
И зелен луг. И неподвижен день.

1992

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Вы мне третьего дня подарили петрушки:
«Вот к обеду...» Всплеснула руками в ответ.
Утром голову чуть подняла от подушки –
три морковки лежат на окне, как привет.

Мне милы предсказуемость ваших сюрпризов,
чернозём ваших рук, небосвод ваших глаз.
Мой герой, – романтическим вымыслам вызов,
я смеюсь над собой и мечтаю о вас.

1992

ОТТИСК В ПАМЯТИ

Чётким силуэтом две спины.
Чёрный коридор. Окна свеченье.
Мы друг в друга тайно влюблены.
В этом – наше счастье и мученье.

Каждый взгляды за окошко шлёт,
изучая с прилежаньем редким
дерева прозрачный переплёт,
воробья, снующего по веткам.

И молчим. И трепетно полны
страхом поцелуев и отметок,
вдруг хохочем: пьяный от весны
воробей свалился в гущу веток.

1992

ПОТЕРЯ

Лицом уткнусь в промятого дивана
измученную ткань.
Разбит флакон, разлита валерьяна –
самообману дань.
Как будто в послеоперационной,
где лёд и белизна,
часы кладут бессильные поклоны
у образа окна,
молитвенно бормочут заверенья,
что можно, не скорбя,
тихонько жить, но только в измеренье,
где не было тебя.

1992

* * *

Все объяснения брошены втуне.
Впрочем, и не было их.
Звёздные липы сияли в безлунье.
Ветер смущённо утих.

Слово «люблю» разметалось на слоги.
Губы смеялись во тьме.
Еле несли ослабевшие ноги
только одно на уме.

А на упругих копнах сеновала,
где мы шептались в чаду,
синюю кофточку я затеряла, –
знак, что и завтра приду.

1992–2011

* * *

В ноябрьские сумерки глубже усталость.
Тень ходит кругами у глаз.
До Нового года недолго осталось
раскраивать синий атлас.
Тревожен следов неуверенный почерк
с тяжёлыми точками сна.
Пунктир незаметно сливается в прочерк,
и линия жизни черна.
Снег ладит уборы невнятной расцветки
на головы улиц сырых,
подушкой заплаканной давит на ветки,
цепляясь за тёрку коры.
А в комнате, в лапах уютного плена
свет лампы едва моросит.
И образ окна ледяной и нетленный
висит на продольной оси.

1992

ТРЕТЬЕ ЯНВАРЯ

По комнате нетвёрдыми шажками,
пересекая света полосу,
пройду одна, обеими руками
удерживая сердце на весу.

Шестёрка чувств в порыве безотчётном
вслед за тобой летит. В который раз...
На ёлке бусы звякнули, как чётки,
отчаяньем не прозвучавших фраз.

Легли огней цветные отголоски
на обещаний праздничный прибор.
И слабо тлеет возле веток жёстких
живой тюльпан, оставленный тобой.

1993

ТАРТУ

Город стих, обнажив листопадами чувства.
Вдохновение, смеха короткий звонок –
стайка преданных служек большого искусства
на этюдах продрогла у зыбких треног.

Острровершие церкви молчат отрешённо.
Первый снег. Пробирает озноб до основ.
Акварель замерзает на рыхлом торшоне
неуверенной наледью бледных тонов.

Намозолила плечи этюдника лямка.
Влажно дышит под варежкой спрятанный рот.
На подъёме к руинам старинного замка
страх и радость – столкнуться с тобой у ворот.

Вечер выткал в готических окнах развалин
шторы снега и выкрасил в ультрамарин.
Мы тревожно молчали, пока рисовали
отдалённые улочки в искрах витрин.

1993

СОЛНЦЕ

Солнце сушило туманов каракули,
тучи вздувало бугром.
В каплях, которые трепетно звякали,
зрел оглушительный гром.

Солнце ломилось, – апрелем обещано, –
шло на удачу, на риск.
В пасмурном небе наметилась трещина,
вскрыв ослепительный диск.

Солнце в проломы просунуло голову,
высвободило лучи
и заиграло на арфе эоловой,
всех от зимы излечив.

1993

* * *

В.А.

Линялый лес, таясь в глуши укромной,
неумолимо взламывает лёд.
Вороньи гнёзда, как аэродромы,
готовят новых эскадрилий взлёт.

Земля дымится первобытным паром,
горячих недр дыхание храня.
Стволы берёз обуглены пожаром,
который слепо буйствует в корнях.

Снег всё грязней. Небесный свод всё чище.
Деревья носят солнце по рядам.
Ты непременно дом весны отыщешь,
пройдя по их протаявшим следам.

1993

* * *

С.Д.

Тяга вальдшнепов вечером первого мая.
Ельник пористый снег под подолом хранит.
Замирая, следим, как они пролетают.
И забыли, что мы наконец-то одни.

Вечер гаснет. Луна наливается светом,
поднимается над частоколом стволов
и стеклянной игрушкой, на ветку надетой,
незаметно касается наших голов.

Всё притихло в холодного ельника шорах.
Из теней соткались тишины острова.
И тогда нас накрыл всеобъемлющий шорох:
это шла из земли молодая трава.

1993

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

У меня есть три часа покоя.
Все ушли. В квартире тишина.
Двери понадёжнее закрою.
Посмотрю на спины из окна.

Распрощаюсь с лягушачьей кожей,
вскину руки, спину растяну,
незнакомке статной и пригожей
в зеркале лукаво подмигну.

И в дому, где сумрачно и пусто,
только слышен маятника бой,
буду вспоминать моё искусство,
буду, наконец, самой собой.

Не пирог, стишок, по крайней мере,
испеку и спрячу словно вор.
Воротясь, Иван мне стукнет в двери.
Лягушонка отопрёт запор.

1993–2011

ПАСТУХ

По деревне молва про тебя и меня.
Ничего не поделаешь. Да и не надо.
Щёлкай длинным бичом, синим взглядом гоня
на зелёное пастбище пёстрое стадо.

Вопрошаю вслепую: «Мак?» «Мак?» «Мак?» «Дурак!»
Заступаю черту безрассудных фантазий.
Но никто не способен и вымыслить, как
ты глядишь на меня из тени коновязи.

Ты красиво расставил коров на лугу
в малахитовой раме соснового бора.
И не выдержав, я за тобой побегу.
И меня на деревне дождутся не скоро.

1993

ВЕНЧАНИЕ НА КРЫШЕ

А.Д.

Та ночь – реальность или наважденье?
Но мы ведь совершили восхождение
в туман и дождь, где видимость плохая,
характерами искры высекая.

Внизу мелькали редкие машины.
Пожарная стремянка до вершины,
прощая непростительную шалость,
одним болтом ещё за дом держалась.

Земля вращалась в лязге и качанье.
Мы шли, как в церковь на своё венчанье,
за каждый шаг вперёд платя испугом.
Нас ветер обвенчал. Но не друг с другом –

с какими-то случайными гостями.
Мы расходились разными путями.
А под ногами крыша грохотала
марш Мендельсона с яростью металла.

1993

* * *

Всё скошено, ромашек снежный ком
один цветёт среди полян прогретых.
Надёжно хороня мои секреты,
сквозь пальцы полдень сыплется песком.

Воздушный змей трепещет лоскутком,
примётанным к безоблачному лету.
А я слежу сквозь лиственную ретушь –
как ты с размахом косишь за леском,

как мягко стелешь... Змей упал в лесу,
не подойти. Малинник и крапива.
А ты наутро снова за косу.
А мне грустить, выходит, перспектива.
И я сквозь жар июльский пронесу
сырой озноб сентябрьского мотива.

1993

В ЧЁРНОЙ ВОДЕ

Вода, смывай с меня грехи.
И несмываемые тоже.
Рябь распростёршихся стихий
приветствую гусиной кожей.

Поверхность, взбитую волной,
крою руками и плечами.
А дно недвижимое за мной
следит незрячими очами.

Всё примет лёгкий ил в дары.
Пугает ноги нежный холод,
где дремлют тайны с той поры,
когда был мир горяч и молод.

Скольжу во тьму под блеск завес,
но зову тверди чутко внемлю.
Ведь я – наследница существ,
из моря выползших на землю.

Вода, возьми мои грехи,
упрячь, где дно темней и глуше,
и хоть пути твои легки,
верни меня суровой суше.

1993–2012

СВИДАНИЕ

Крапива прячет слéда нервный почерк,
глотаёт хруст упавшего сучка.
Шлейф комаров петляет между кочек.
Овраг. Бурьян. Сосна. Твоя рука.
Объятье. Звёзд рассыпанные крошки.
Куст бузины. Рубиновая гроздь.
И мы вдвоём вернёмся по дорожке,
где до сих пор всегда ходили врозь.

1993

СЧИТАЮ СЛОНОВ

В том направлении – хвосты увядшего заката,
а в противоположном – яркий свет луны.
В зените же дуга, лазурна и поката.
По ней, не торопясь, гуськом идут слоны.

Огромные цветные – к малым деткам.
Поменьше – к старшим призрачный десант.
Затем – к влюблённым, сникшим на кушетках
под ситцевым прикрытием веранд.

Кому же самый меньший, как не мне-то...
Цепочки снов стократ повторены
копиркой черноты меж белых будней лета,
где три... нет, две звезды, и те едва видны.

1993–2012

ЖЕНСКАЯ ПЕСНЯ

Я о тебе пою – тебе икается.
Я о тебе грущу – тебе не спится.
В своих грехах давно пора покаяться,
да только прежде надо распроститься.

А распроститься всё не получается,
а объясниться всё не удаётся.
Я о тебе пою – тебе икается.
Я о тебе грущу – тебе поётся.

И что ни день, – дожди ли, солнце ясное, –
куда б ни шла, тебя встречаю всюду.
За всё печальное, за всё прекрасное
я отплачу добром. Я не забуду.

1994–2009

* * *

Листопад кропит отражения.
Сентября истекает срок.
На деревне смешки, движение,
веет лёгенький матерок.

Спозаранку на трезвы головы,
эх, копай, насыпай в мешки!
Солнце – золото. Небо – олово.
Есть вершки, есть и корешки.

Клубень выбран с великим рвением.
Гряды брошены как-нибудь.
Завтра белым отдохновением
ляжет снег на пустую грудь.

1994–2009

* * *

Случайно подслушаю, что заливают дожди,
потом догадаюсь, о чём завывали метели,
с чего соловьи в эмиграции осоловели,
какое зерно пробудилось в сугробах груди,
что носится в воздухе. Окна в туман распахну,
сама нараспашку, – авось не прохватит простуда, –
и оторопею. Зелёные листья, как чудо!
Опять опоздала, опять прозевала весну.

1994

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Старушка в киоске осела на треть,
вздремнула под крышей берета.
Проказливый ветер спешит подсмотреть,
о чём сообщает газета.

Погода с подвохом. А день продувной
весёлыми кознями занят,
с утра высылает на встречу со мной
людей с голубыми глазами.

1994

ПО СТАРОЙ МОСКВЕ

В кривых переулках с домами вразвалку,
в дворах неглубоких, просевших в пыли,
большая Москва предстаёт коммуналкой,
откуда мы некогда произошли.

В прихожей стоят, ожидая трамвая,
валяется пёс посреди мостовой,
и четверо, косточки перемывая,
судачат с торчащей в окне головой.

Везде лоскуты незатейливой травки
изъяны паркета прикрыли собой.
Над парочкой, тесно сидящей на лавке,
взволнованно вертится шар голубой.

1994

* * *

Счастливые мечтают, кто о чём.
А я сегодня дождь себе накличу.
Мурлычет кот, свернувшись калачом.
Я в унисон себе под нос мурлычу.

Утроба дома свежестью вестей
сквозь форточки распахнутые дышит.
Повсюду щебет птичек и детей.
И ветер ветки мокрые колышет.

В переплетенье яблоневых крон
настойчивая дробь тяжёлых капель.
В раскатах грома колокольный звон.
В свинцовых тучах стая серых цапель.

1994–2011

* * *

Всё оставлено вплоть до шпилек
на просоленном покрывале.
Ослепительной рябью штиля
зачарованы знойные дали.

С небесами не разлучаясь
и с природой своей не споря,
возвышаясь до рыб и чаек
люди голыми входят в море.

Дом устроен в щели обрыва.
Ночь смиряет ночник рогатый,
зажигая в волне ленивой
голубые глаза агатов.

Поезд в осень. Под лязг и скрежет
жизнь качается, сном распята.
А в проходах вагонов брезжит
свет шлифованных морем пяток.

1994

* * *

Со временем всё видится иначе.
К дверям судьбы нашлось кольцо ключей.
И лампа начинает что-то значить,
когда минует белый взлёт ночей.

Перебегая тёмными углами,
в мельканье дней прокладывая путь,
суметь бы непреклонностью желаний
летучие надежды не спугнуть.

Суметь бы внять хвале и укоризне
спокойно, от друзей и от врагов,
и так покинуть этот праздник жизни,
чтоб не услышать собственных шагов.

1994

МЛАДШИЙ ХОР

Саше

Белый верх. Чёрный низ. Как всегда.
Отутюжены стрелки и складки.
Друг за другом три длинных ряда.
В зал глазами стреляют украдкой.

Каждый голос в плену немоты,
в слабых лёгких тщедушного тела.
Вот сопрано, за ними альты
оживают, сначала несмело.

И взлетают. И четверть часа
зал трепещет, не смея захлопать.
Но в какой-то момент голоса
словно пальцы смыкаются в щёпоть.

1994–2005

ПЕРЕЕЗД

Из дома с тёмным потолком,
с окном в сплетенье веток снежных
лишь потому ушли легко,
что это было неизбежно,

Не оглянувшись. Всё равно.
И всё другое. Стены. Двери.
Шум улиц ломится в окно,
томя сознанием потери.

Но сердце вслушаться спешит,
необратимость принимая,
снегоуборочных машин
возне как музыке внимая.

Сон входит в комнаты босой,
шепча забытый стих Катулла.
И лифчик бледной полосой
свисает с гнутой спинки стула.

1995

* * *

Тропинка круто катится с обрыва.
Кусты малины с каждой стороны.
Зелёный луг и заросли крапивы.
Заросший пруд с налётом старины.

Ступни читают клевер и кислицу –
когда-то недописанный роман.
Но нет охоты пролистнуть страницу.
И нет причин опять сойти с ума.

Который год нас не уводит вместе
сквозь сумерки петляющая нить.
Но как сладка малина в этом месте
я и сейчас способна оценить.

1995

* * *

Моей матери

Луна надышала на небе пятно.
Рассеянный свет уничтожил границы.
Уже не светло, но ещё не темно.
И вроде бы явь, но как будто бы снится.

И снег не скрипит, а тихонько звенит.
И наст оседает, и слышится рокот.
И у горизонта, где звёзды одни,
в деревне на миг осветилась дорога.

Уходит лыжня в новогоднюю ночь.
Мороз закрепляет следы прожитого.
И губы вращают, как веретено,
какое-то жаркое доброе слово.

1996

ЛЮБОВЬ НЕБЕСНАЯ

Брошусь в шезлонг в эпицентре расцветшего сада.
Руки повешу, глаза уведу в небеса,
чтобы веками сидеть, сколько выпадет кряду.
Время не тронет, гудящее словно оса.

Над головой развернутся цветущие своды.
Как непомерно отчаянье, – не передать, –
хватит ли жизни? Не знаю. Но многие годы
мне оставаться с единственной истиной – ждать.

Эта любовь за чертой человеческой воли,
с нежностью гонит по терниям, как по цветам.
Может быть, здесь и не сад уже будет, а поле.
Ты возвратишься. Я буду всё так же, всё там.

Ты на колени опустишься. Я побледнею,
лёгкие руки на плечи тебе положу.
Но не ко мне ты пришёл, ты сейчас перед нею.
И не тебя, а её я за плечи держу.

1996–2010

ПРОГУЛКА В УБОРЫ

П.С.

Мы катим рядом, давим на педали.
Шоссе асфальтом блещет горячо.
А там, где лес отчёркивает дали,
мерцает церковь призрачной свечой.

Дыхание полей пьяно и густо.
Но спутник мой, рассеянный флейтист,
в плену бесплотных образов искусства
он холоден к соблазнам во плоти.

И вот, – хотя всё думаю о лишнем,
по-бабьи о несбыточном скорбя, –
когда, вернувшись, чай мы пьём под вишней,
я чувствую мелодией себя.

1996

* * *

Лидии Шелковой

Остановились все часы.
Троллейбусы вдоль улиц встали,
линуя тенью дуг косых
лёд в чёрных оспинах проталин.

Остановились все дела.
Иссякла вера в Божью милость.
И только жизнь не прервалась.
И только сердце не разбилось.

1996–2009

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Как этот мир, знакома и стара
история волнующих открытий.
Но вы меня хотя бы научите
на вашей флейте ветреной играть.

Её мы с вами будем целовать
друг другу каждый раз передавая,
в отверстие, как нитку, продевая
исчерпанные музыкой слова.

Я возмечтать о большем не рискну.
Вы у окна ко мне вполоборота.
Мы вместе выйдем в школьные ворота
и разойдёмся, обогнув весну.

1996

ЛЮБИМЫЙ ХУДОЖНИК

Ты вернулся уже? Для меня это важная веха.
Слышу города шум. Словно рыба сквозь город плыву.
Тут мой дом. И хотя на земле ты во всём мне помеха,
только ты небесам надо мной придаёшь синеву.

Не вернулся ещё? Но тебя ожидаю сюда я
и навстречу стремлюсь, угадав, что с утра до утра
этот город, твоими глазами за мной наблюдая,
на просторной палитре разводит твои колера.

1996–2010

* * *

Купал у брода кобылиц,
чтоб поостыли малость.
И пыль, и пот со спин текли,
и зверская усталость.

Горстями полными плескал
на крупы, ноги, гривы.
У серой в яблоках оскал
до чёртиков игривый.

Вскочил с размаху на одну,
присвистнул, и помчали
по взбаламученному дну
галопом, без печали.

И пожелал в который раз,
нисколько не ревнуя,
попасть в прицел знакомых глаз,
ловящих цель иную.

1996

* * *

Ложусь, как птица, на крыло.
Прости! Прощай! Спасибо,
что в жизни нас с тобой свело
и что разводит, ибо
всё выше облако Плеяд –
ночные стражи строги, –
и рвётся неотрывный взгляд,
и врозь ведут дороги.

1996

* * *

Под вечер заискрила просесть
в тенях, оврагах и стогах.
И за ночь затворилась осень
в ненарушаемых снегах.

Всё увлечённой сыплют хлопья.
В них вязнет солнца колесо,
когда кружит по чернотропью
вдоль засыпающих лесов.

1996

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Я помню всё. Ты помни тоже.
Угрюмо брови сведены.
И взгляд во взгляд темней и строже.
Звенит пространство в две струны.

Я устою. Ты тоже выстой.
Беззвучно имя по слогам...
Что ж пёс твой страшный и пушистый
к моим ласкается ногам?

1997

БОЛЬНИЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Сиделкой в темноте ночного бденья
фонарь к окну склоняется, слепит.
Бессонные старушки-приведенья
шуршат по коридорам: спи, спи, спи...

А я и сплю, и бодрствую – всё сразу.
Там минус тридцать, здесь до сорока.
За стенкой в неисправных унитазах
шумит вода как горная река.

Вдали за парком белым и незрячим
грохочет жизнь, но звук сквозь вату крон
доносится до слуха не иначе
как непрерывный колокольный звон.

1997

С АГАТОЙ

Собака семенит у левой голени,
вилая задом и втянув бока.
Окошки с новогодними застольями.
Следов неторопливая строка.

Над головами полыхает Вега,
а под ногами спят тетерева.
Сосновый бор, угрюмый, полный снега,
идёт на поле как девятый вал.

Под чёрным небом побредём в сугробах.
Истопчем неокрепшую лыжню.
И разберёмся в путаных дорогах,
надеясь только на собачий нюх.

И обратимся к сладким сновиденьям,
где всюду утки и перепела.
Собака спит у печки как младенец,
на грудь забросив кисти чёрных лап.

1998

БЕСПРОБУДНАЯ ЗИМА

Я засыпала целый день.
В метро к чужим плечам клонилась.
И в нудном бдении везде
бред разливался как чернила.

Я забывалась лишь на миг,
и наступало пробуждение,
но сквозь реальность напрямик
катило волны наваждение.

Я не могла заснуть всю ночь,
слонялась в недрах коридора,
а пёс, не зная, чем помочь,
меня облаивал как вора.

1997

* * *

Какие сегодня... какие холодные ночи,
за чёрной калиткой шуршащие чёрным листом
и чёрными ветками. Всё холодней, и короче,
и неуловимее воспоминанья о том,
какие недавно... какие горячие были...
Светила как накипь садились на стенки небес,
на голых телах прорастали могучие крылья,
и блеск оперенья над шерстью имел перевес.
Под взмахами крыльев земля разгонялась полого...
Какая сегодня... какая холодная тишь.
Рассудок зовёт всё оценивать трезво и строго.
Но стоит заснуть, и опять безрассудно летишь.

1998

* * *

Когда уходит час надежд
и наступает час смиренья,
прекрасные стихотворенья
слагает дательный падеж.

Когда уходит час безумств
и наступает час расплаты,
невозполнимые утраты
рождают скорбную слезу.

Когда уходит час тревог
и наступает миг блаженства,
из половин мужской и женской
объятье созидает Бог.

1998

* * *

С.Д.

Давай с тобой уедем далеко,
туда, где дом стоит в сугробах талых,
где ото льда очнулось озерко,
робея в бриллиантовых кристаллах.

Не тронем печь – пустая кутерьма.
Не станем греть собой простор постели.
В замёрзшем доме нас обступит тьма,
среди бела дня её мы и хотели.

Напьёмся чаю, дверь не затворив,
мешая сахар ложками со звоном.
Нас опьянят возросших елей скрип,
ольховых шишек чёрные помпоны.

И мы тогда, – по ветреным постам
весенних птиц поставив сторожами, –
вернёмся в город, притворившись там,
как будто никуда не уезжали.

1999

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Расцвели золотые шары...
Вас дожждаться уже и не чаю.
Я грущу. Я с июньской жары
вас чего-то совсем не встречаю.

Заметает следы до поры
снегопад лепесткового сора.
Вместо вас золотые шары
рассыпаются из-за забора

позолотой несказанных слов,
прижимаясь к штaketнику грудью.
Я касаюсь их жёлтых голов
и стеблей, доверяясь безлюдью.

Скрип калитки? Воздушный порыв?
Вы! Так просто? Да я не перечу...
Ваш букет расцветает, как взрыв,
золотыми шарами навстречу.

1999

* * *

Последний день исчерпанного лета,
пропитанный усталостью дворов.
Я сдам на дальний поезд два билета
и ограничусь линией метро.

Письмо на юг прервав на переносе,
раздвину стол и застелю сукном.
Идите, гости, приносите осень.
Отныне только осень за окном.

1999

ОТТЕПЕЛЬ

Не приезжай, когда зима и холод, –
мне не идут ни шапка, ни платок.
Давно не заливают тот каток,
где лёд коньками острыми исколот.

Ты, окружённый прежним ореолом,
поможешь снять, потом подашь пальто,
но не способно, видимо, ничто
свести в дуэт заведомые соло.

Снег разъедают луж неровных пятна.
Ты скажешь: «Разве нет пути обратно?»
Веду мизинцем по твоей губе.

Да... Оттепель... Пожалуй, шарф не нужен...
Но всё равно я запахнусь потуже,
я ей не доверяю. Как тебе.

1999

* * *

Легавая проносится по снегу.
Сырые хлопья валят всё сильнее,
и тают, и текут по морде пегой,
и снег пятнист от вылезших камней.

2000

* * *

Белым-бело. Черёмуха и вишни.
Снег сыплет, набивается в цветы.
Безмолвие. Но запаха не слышно –
благоуханья снегом заперты.

Я наломать сирени не успела,
теперь глазам поверить не могу –
сиреневая стала снежно белой,
а белая исчезла. Всё в снегу.

2000

ПОСЕРЕБРЁННЫЙ СОНЕТ

Елене Устиновой

...Зі сніжних рим дзвінких його зложив поет...

М. Рьльський

Заиндевельный лес закатом позолочен.
Под сводами ветвей насторожилась тьма.
Прочерчен дальний путь голубизной обочин.
И звонок снега скрип. И гладь полей нема.

Меня томила здесь тоска осенней ночи,
и клейкий поцелуй весны сводил с ума.
Июльский сон бывал чарующе непрочен.
Теперь мороз воздвиг седые терема.

Прозрачный вечер стих, шлифуя льда кристаллы
до совершенства строк. И слышится сонет
безмолвных зим, лесов торжественной опалы.

Всю хрупкость снежных рифм в него вдохнул поэт,
чья пламенная тень небесной синью стала.
И людям чудится в ней Бога силуэт.

2000

НА ДАЧЕ

Жасмин отцвёл, а липы расцвели.
Неотличимы звёзды их соцветий,
их листья перемешивает ветер,
отягощённый влажностью земли.

Гудящих пчёл сзывают издали
к себе благоухающие сети.
Границы родовых владений метя,
благоухают веретёна лип.

И оживают недра старых ульев.
В сопровожденье колченогих стульев
вдоль дома стол бредёт, сбиваясь с шагу.

Грязны тарелки, рюмки пролиты,
к ним с любопытством клонятся кусты,
недоумённо слизывая влагу.

2000

ИНОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Закат перемещается к восходу.
Огонь переливается в углях.
Июнь совсем иное время года.
Лиловый с жёлтым светятся в полях.

Глухая ревность с материнской лаской
в гремучую соединились смесь.
И гонит полночь волны неги вязкой,
а полдень вспать отчаянье и спесь.

По небу шарят лёгкие зарницы
безмолвных молний, бьющих на авось.
И мальчики проходят вереницей.
И девочки стремглав летят насквозь.

2001

АХТУБА

Вода стоит, протоку сжѣг песок.
На белых дюнах белые коровы.
Мой спутник молод, крепок и высок.
Босой. Голубоглазый и безбровый.

Песок горяч и тело горячо.
Они двуроги, я одна двунога.
Но юноша рыбалкой увлечѣн
и не догадывается о многом.

Корова сонно бѣёт себя хвостом.
Сухое русло выглядит аллеей.
А я уже сейчас грущу о том,
о чѣм рыбак лишь завтра пожалеет.

2001

В ГОСТИ

Зондируя тоннели подворотен,
замру среди помоек и канав,
в одном окне среди подобных сотен
родное выражение узнав.

Проплешины упавшей штукатурки,
рулоны пыльной ваты между рам.
Шальной сквозняк бумажки и окурки
взмывает и разносит по дворам.

Маршрут поддержан живописным фоном,
озвучен хрустом битого стекла.
Расплавленная кнопка домофона.
«Кто?» «Я». «Иди же!» Всё-таки нашла.

2001

ДОРОГА

Войду в вагон, забуду всё на свете.
К двойному запylённому окну
лицом непонимающим прильну,
оставив подстаканник на билете.
Чтоб возвратиться через две недели,
читая наизнанку старый путь.
Тоска ложится рядом прикорнуть
на мятой кратковременной постели
и вынимает из небытия
мои чины, привязанности, имя,
мою родню. И нехотя за ними
вернусь из путешествия и я.

2003

* * *

Желаний нет. А я нарву сирени
в сырой тени.
Букет охапкой брошу на колени,
склонюсь над ним.

Среди кустов у старого сарая
галдёж сорок.
Лениво пятицветья выбираю.
На счастье. Впрок.

2003

* * *

случилось
были люди
произнесли твоё имя
я не буду сегодня спать
вслушиваясь в его звучание

2005

* * *

Вера
Надежда
Любовь
дарю вам букет сезона
охапку кленовых листьев
зелёных
жёлтых
красных
2005

* * *

ТЫ СПИШЬ
а я не сплю
и думаю о том
что ты бы тоже мог не спать
НО СПИШЬ

2006

ОЖИДАНИЕ

За днём немым и ночь пришла немой.
Луна плотнее золотого слитка.
Лишь для тебя, неумолимый мой,
горит костёр, распахнута калитка.

И я не сплю, гляжу со стороны
на розовое ласковое пламя,
на золотые всполохи луны
сквозь конденсат на стёклах в белой раме.

Войду в туман. В светящейся тиши
не разглядеть приветственного знака.
Большой и Малый светятся Ковши,
и дышит снег внутри ночного мрака.

2006

ДОМ МЕЛЬНИКОВА

дом казался лишённым хозяина
хотя хозяин был
я вся запыхалась в белых стенах
еле отёрла свой чёрный пиджак
а может быть

Мельников
был действительно мельником
и я в муке?
сидел в своём доме один
и молот
и везде до сих пор мука

2007

* * *

в зале Врубеля
искала картину «Сирень»
и нашла
по тонкому
нежному
запаху
2007

СТАМБУЛ

в Стамбуле сентябрь
у Святой Софии
вызревают каштаны
выстреливают из скорлупы
скачут по брусчатке
оседают в карманах

в Стамбуле
в подземных дворцах –
цистернах для пресной воды –
бросаю кунжутový хлеб
большим лупоглазым рыбам
белым и красным

в Стамбуле
пыль
золотых и чёрных веков
её не отмыть
ни в мраморных банях
ни в Мраморном море
с прожилками облаков
с осколками чаек

жаль
не успела сходить в Шахзаде

и Фатих
съесть гювеч
отыскать Садабад
зато подняла павлинье перо
у Голубой мечети
хотя павлинов здесь видела
только на византийских мозаиках

покидаю Стамбул
с атрибутами царской власти:
в правой руке – павлинье перо
в левой – блестящий каштан
прощай
Константинополь

2007

* * *

Собака разговаривает с эхом,
а эхо лает ей издалека.
Незримо разделяет их река,
укрытая вечнозелёным мехом.

Внизу шиверы всплёскивают смехом
с неповторимым шорохом песка.
Граница льда прибрежного тонка
и талым водам больше не помеха.

Собака замолкает. Эхо тоже.
Безмолвствует река в еловом ложе
с трепещущим мерцаньем бересты.

Собака, продираясь сквозь кусты,
торопится к костру из темноты,
и от зелёных глаз мороз по коже.

2007

ДОЖДЛИВОЕ ДЕРЕВО

мальчишка потряс сливу
посыпались твёрдые мелкие сизые
а следом пошёл дождь
мы собрали упавшие сливы
и дождь закончился
мальчишка снова потряс дерево
и опять полетели сливы
а за ними посыпался дождь
Довольно, довольно слив!
Иначе начнётся гроза!

2008

* * *

если будешь меня любить
буду красивой
если разлюбишь
стану ещё красивей
2008

* * *

как рано
становится поздно

2008

* * *

застигнута дождём
среди своего народа
прячусь под козырьком
троллейбусной остановки
слушаю их разговоры
читаю их книги
вдыхаю дым их сигарет
жаль
закончился дождь

2008

ТОЛЕДО

Под грузом стен холмы уходят в реку –
петля от напряжения звенит.
Лёд неподвижных факелов Эль-Греко
царапает изношенный гранит
готических порталов и карнизов.
И молча наблюдая ход веков,
лежат сухие головы маркизов
на блюдах кружевных воротников.

2008

СИЦИЛИЯ

От щебета шевелятся кусты.
Залив знобит незримыми волнами.
За калейдоскопическими снами
упущена свобода темноты.

Сияют золочёные кресты
над серыми норманнскими стенами.
И в пурпуре склоняются над нами
мозаик утончённые черты.

Три моря надрывая берегами,
Тринакрия кружит по амальгаме,
отряхивая золото, как прах.
Змеятся кудри на семи ветрах.

Но в гулком сердце первобытный страх
пульсирует подземными толчками.

2009

ОРТИДЖА

На небосводе месяца подкова.
И я одна, и ты пришёл один.
Сегодня выпьем самого сухого
из самых белых сицилийских вин.

В ночном кафе Ортиджи многолюдно.
Скалистый остров – сердце Сиракуз –
плывёт сквозь ночь, как сказочное судно,
звоня мостами неразрывных уз.

Волненьем поцелуев и укусов
вода искрит у каменных бортов.
Не покупай у вкрадчивых индусов
и не дари мне срезанных цветов.

Об этом здесь не может быть и речи.
Пока живём, витая в облаках,
ты приходи сюда на наши встречи
с живой геранью в крашенных горшках.

2009

* * *

все съехались
и до полуночи
отмечали окончание лета
было четыре минуты осени
когда я отправилась спать

2009

* * *

Деревня на холме. Дома теньями.
Звериный след отчётлив. Ни души.
Крапива за осевшими плетнями.
У сгнившего колодца камыши.

В стропилах ветер, клочья серой дранки.
Заглохли огороды на задах.
И яблоки, как скорбные подранки,
даются в руки в спутанных садах.

Живая жизнь другой тропой ведома.
Но чей-то взгляд коснётся невзначай:
из окон развалившегося дома
вослед прозрачно смотрит иван-чай.

2010

СИРЕНЕВОЕ БЕЗУМИЕ

Он высмотрел меня из-за ограды.
Он прятался в сиреневых кустах.
И умопомрачительные взгляды
распугивали порскающих птах.

Он сторожил за прутьями забора,
шатался вдоль него туда-сюда,
как зверь, не затевая разговора,
черту не заступая никогда,

не называя имени ни разу.
Ломал сирень и мне швырял во тьму.
С сиренью, сумасшедшая от сглазу,
я сквозь сирень сама ушла к нему.

2010

В БЕЛУЮ НОЧЬ

Императорских снов изнуряющий шквал –
грандиозные свадьбы и сечи.

Комаром обернувшись, всю ночь целовал
Петербург мои голые плечи,

расправляя крылами Синод и Сенат,
в упоенье своём горделивом
простираясь горячечным маревом над
малосольным чухонским заливом.

Раскалённой Невы золотой мармелад.
Жар восхода над жаром перины.
Гулким эхом в угрюмой цепи анфилад
свист Петра, клёкот Екатерины.

2010

СОНЕТ КОШКЕ

Нежных связок бархатная фраза,
 мягкий факт присутствия без слов.
 Драгоценность сумрачных углов –
 два фосфоризирующих страза.

Зеленью космического сглаза,
 отражённой глянцами полов,
 бьёт молниеносный птицелов
 с острыми когтями верхолаза

и молчит. Но если занедужу,
 зимний холод плавя головой,
 вот тогда, оставив гонор свой,
 космос обращается наружу
 ласковой изнанкой меховой,
 заговаривая боль и стужу.

2010

ЗЕЛЁНЫЕ ГОРЫ

Как радужное пёрышко закат
с вершины сброшен сумраком свинцовым.
Издалека донёсшийся раскат
ночным базальтом грозно облицован.

Петляет путь туннелями в горе.
Вдоль стёкол – бури бисерные строчки.
И словно на невидимом шнуре
луна летит в зените белой точкой.

В каньоне затаившейся реки
мостов ажурных блещет паутина.
И только белых молний пауки.
И белая разметка серпантина.

И белых брызг лихие веера...
Пока грозы не разомкнутся клещи,
и синь, лазурь и золото с утра
опять в зелёной шерсти не заблещут.

2010

РУИНЫ
(Юстиниана Прима)

Две главные улицы назывались кардо (cardo)
и декуманус (decumanus).

Н.И. Брунов. Очерки по истории архитектуры.

Заметают пески, укрывает трава.
Здесь давно не копает никто.
Если прямо пойти – стены видно едва.
Если влево, – пустое плато.

Если вправо по кардо подъём одолеть,
отследив на чертёжных листах, –
там сторожка, вокруг ежевичная плеть,
а на склоне в колючих кустах

древнеримский некрополь. Чету черепях
в этом месте и встретишь одних.
Всё мерещится – дыры в пустых черепях
из безвременья смотрят на них.

В ежевичнике ящериц шелест сухой.
Три вершины у дальней гряды.
И звезда освежает вечерний покой
капель артезианской воды.

2010

БРОНЗОВЫЙ ВРАНГЕЛЬ
(Сремские Карловцы)

Львиный фонтан.
Семинария. Храм.
В тусклом окладе икона.
Старый платан,
тени по вечерам
тянутся к дому барона.

Изгнанный ангел
мелькает в дверях
провинциальных фасадов.
Бронзовый Врангель
в крестах, газырях.
Призраки белых отрядов...

Эхом стрельба...
или крики «Ура!»...
или гремят эшелоны...
Я за раба
помолчу, за Петра,
у чудотворной иконы.

2010

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ХРАМ В БЕЛГРАДЕ

За Марком церковь русского подворья –
оплот последних эмигрантских душ,
затерянный осколок Лукоморья.
Кусты за ограждением, тишь да глушь.

Дворянские иконы, мрак окладов.
Казанская... Смоленская... они
с владельцами прошли весь путь их адов,
осиротели. Списком помяни.

И командарм, усыновлённый Сремом,
здесь отыскал последний свой приют.
За толстой цепью зябко хризантемам.
Паломницы вполголоса поют.

Сомкнулись близко белыми платками.
Родные образа. Родная речь.
Но генералу тяжек светлый камень,
не дал Господь Россию уберечь.

2010

* * *

Нынче самое сиреневое время.
Соловей – неукоснительный связной.
Расцелую раззолоченное темя
одуванчика, оборванного мной.

По пути разворошу волшебный запах
неумеренно цветущих сорняков.
Держит белая сирень в шершавых лапах
искры счастья в кружеве цветков,

с высоты дразня осуществленьем
наидерзновеннейшей мечты.
Шмель старается над будущим вареньем.
Все горячие желания просты.

2011

РИМ ОБВЕТШАЛ

С.Д.

Рим обветшал. Пристрастностью никак
мне не согреть ступени Пантеона.
Ощупывая сводчатость бетона,
ползёт в кессонах солнечный пятак.

Вдали от улиц с граппой и едой,
меняемых на денежные знаки,
большие чайки лают как собаки
над форумами, словно над водой.

В бессоннице руин и галерей
среди рододендронов и магнолий
взойду на опустевший Капитолий
в полуночном свеченье фонарей,

прилягу в средокрестии теней,
чтоб не дразнить кормящую волчицу,
и сквозь лопатки в сердце просочится
тепло отполированных камней.

Рим обветшал. Морщины на щеках.
Песком исходят хрупкие колонны.
Но всюду в окнах юные мадонны
баюкают младенцев на руках.

2011

КАРАВАЙ

Вот какая неба вышина
синевою ко всем отворена!
Лёгких волн бегущая строка
отражает высь и облака.
Лягу на холодную волну,
глубоко под облако нырну,
досягну мерцающего дна,
ужаснусь, какая нижина...
Возвращусь и выйду из воды,
оставляя мокрые следы,
озираясь, будто бы со сна,
до чего безмерна ширина,
выбирай! Всего-то надо мне
отогреться, лёжа на спине,
там, где добела накалена
полосы песчаной ужина.

2011

МСТА

Правый берег. Верная примета –
облако, как дым.
Жжём огонь с заката до рассвета
под дождём седым.
Остро пахнет перечная мята,
мурава сыра.
Две легавых, Астра и Агата,
жмутся у костра.
Пар от шерсти. Котелок с груздями
рядом на пеньке.
Дупеля уходят за дождями.
Утка в тростнике.
Хлещут струи, пузырятся воды.
Дождь, туман, роса.
Под плащами ждём даров природы, –
смотрим в небеса.

2011

ВЕЧЕР В ЗАБОЛОТЬЕ

...Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков...

Арсений Тарковский. Земное. 1960

Плетень от надоедливых коров.
У стога сена воткнутые вилы.
Иссякли и желание, и силы
с последней вспышкой золотых шаров.

Под ярое гуденье комаров
лазурная заря позолотила
лучами нисходящего светила
окошки за поленницами дров

и латы изумрудного жука.
Усталость подползла исподтишка,
ни шевельнуть рукой, ни сделать шаг.

Упасть, свернув под голову сермягу.
Грудастые сырые облака
уже в сосцах накапливают влагу.

2011

ЧЁРНАЯ МАДОННА

Известняковых гор литые кручи
 бестрепетно глядят в туман долин –
 железная дорога ниткой жгучей
 как будто прошивает флизелин.

Путей разгорячённые узоры
 сливаются под арками у врат.
 С высот, куда ползут фуникулёры,
 как на ладони хмурый Монсеррат.

Сквозь фимиам, вздымающийся сонно
 с паникадил в барочных завитках,
 на всех взирает Чёрная Мадонна,
 держащая младенца на руках.

Все тянутся под сень благословенья,
 преображаясь в истинном свету.
 И сердце созидает настроенье –
 с собой поговорить начистоту.

2011

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Канатоходцем на арене
шлю поцелуи февралю,
иду по краю синей тени
и солнце белое ловлю.

Я – два в одном, как птица Сирин.
На мне две крайности лежат:
один зрачок в тени расширен,
другой на солнце в точку сжат.

2012

ДРЕВО

Анджею

Мы генеалогического древа
уже неисчислимы плоды,
мелодия фамильного напева
длиной достойной деда бороды.

Другое древо обликом похоже,
глядится по соседству в озерко,
но яблокам от яблоньки негоже
откатываться слишком далеко.

С пергамента страниц столетья сдую,
по блёклым строчкам проводя перстом.
Исследую историю седую
влюблённого прапрадеда о том,

как ни жене, ни детям правды не дал,
клялся: ни сном, ни духом, вот те крест!
И только Богу истину поведал,
и то, когда достиг загробных мест.

2012

ДОМ ПОМЕЩИКА

...на юго-восток от Ельни по железной дороге
расположена станция и д. Коробец. В XIX в.
она принадлежала помещику Опочинину.
Иеромонах Рафаил (Иночкин).
Ельнинская земля. Православные храмы.

Воспоминаний жгучая крапива,
с обломками замшелых кирпичей.
Я здесь. Я, как и ты, самолюбива,
родимый дом. Отчаянно ничей.

Историей пропитана, как ядом,
столетних лип шершавая кора.
В сыром подлеске вьющаяся рядом
бесстрастна родниковая Угра.

Дом уступил и пал в жестокой схватке.
Врастают в стены дикие стволы.
Кропят дожди в рассеянном порядке
живой водой священные углы,

стекают по растрескавшимся сводам,
язвят лепнину пятнами солей.
Бурьян вокруг. Но кто отсюда родом, –
увидит призрак липовых аллей.

2012

ТРАВЯНОЕ МОРЕ

То ли море качает валы,
то ли поле, – вот головоломка!
Лишь берёз неподвижны стволы
и елового берега кромка.

Так и ходит земля ходуном,
гонит вдаль за барашком барашек.
Муравейник стоит валуном
под размашистой пеной ромашек.

А над волнами трав или вод
в упоенье неистойвой скачки
мчатся звери волшебных пород –
то ли котики, то ли собачки.

2012

УЕЗДНЫЙ ГОРОД

Борису Романову

Перед глазами следующее: открытое
окошко с геранью, за ним улочка и сады,
а дальше – даль по ту сторону Дона...

Даниил Андреев. Письмо В.Л. Миндовской

11 августа 1946

Брусчатых мостовых зубодробилка.
Купеческого прошлого детали.
На банный день обмылок и бутылка.
Куда ни глянь, – везде донские дали.

Коснусь травы усталыми ступнями,
оставив на обочине сандалии,
безмолвно наблюдая, как тенями
уходят тучи за донские дали.

И нет земли роднее и привольней,
чем эта, где меня годами ждали
синь пятиглавья с белой колокольней,
по-прежнему храня донские дали.

Неволя зла, да злом не опоила.
Душа открыта благовестью звона
и смотрит вдаль глазами Даниила
с крыльца Задонска на разливы Дона.

2012

В СУМЕРКИ ПО ГРИБЫ

И будто бы ещё совсем светло.
Без напряженья видно, как и днём.
Но солнце к горизонту подошло
последним полыхающим огнём.

Угас контраст осеннего холста.
Зелёный и коричневый слились.
И не понять, – темнеет у куста
гриб, сук, лягушка, облетевший лист?

Коленопреклонённо в тишине
я продлеваю день, хотя бы так.
Подобно занавескам на окне,
глазами развожу прозрачный мрак.

Летаю, не во сне, а наяву.
Бледны кусты, туманы голубы.
Разглаживая чёрную траву,
нащупываю белые грибы.

2012

ФОТОГРАФИЯ МУЗЫКИ

Кате

У музыкантов странные ужимки.
Стоят плечо к плечу заподлицо.
Смычком пересекается на снимке
флейтистки вдохновенное лицо.

Играет на игрушечной пикколке,
движения расчётливо легки.
Высоких нот тончайшие осколки
отчёркивают музыки верхи.

За жаром струн, в ознобе клавесина
длиннее выдох и короче вдох, –
пикколка цвета рыжеватой глины
швыряет бриллиантовый горох.

На службе католическим сонатам
бездонно православие души...
Жаль только, кадр неверно отпечатан, –
все оркестранты, как один, левши.

2012–2013

ОСЕННИЙ КОТИЛЬОН

Совершенство почтительных поз,
париков в ореоле убора.

Позлащённые ветви берёз
наклоняются плавно и скоро,

упиваются листьев игрой,
растранжиривая сбереженья.

Пары держат осанку и строй,
по ведущей сверя движенья.

За стволом изгибается ствол, –
велики ветровые нагрузки.
Кавалеры ведут слабый пол,
что-то шепчут по старофранцузски.

Нескончаем, как дождь, котильон.
Капли множат на лужах колечки.
Лапы красные вытянул клён
к жёлтым окнам, вспотевшим от печки.

2012

OPERA IMMORTALE

Фёдору Шехтелю

Скрежещут флюгера на крышах башен.
Неразличим аллеи поворот.
Автографами лихо изукрашен
кирпичный остов праздничных ворот.

Обрушен мост. В разлуке парка с домом.
Кентавры ускакали наугад.
Сбегает к пруду с барственным изломом
осыпавшейся лестницы каскад.

Снега как саван вместо одеяла.
Но Золушкой всё бредят зеркала, –
здесь башмачок хрустальный потеряла,
да так с тех пор его и не нашла.

Но что-то живо, вдохновенно гулки
подпружья арок, сумраки ходов.
С волшебным звоном сыплются сосульки
с качнувшихся от ветра проводов,

несутся санки, с ними смех и гомон, –
под мост из двух осевших половин.
Там дети копошатся словно гномы,
обжившие расщелины руин.

2013

* * *

Положу на Библию голову.
Задремлю на древних путях.
Далеко до золота олову.
Вся-то жизнь стоит на костях.

Нет в Дамаске лютика, щавеля –
косит зной подобно чуме.
Белый мавзолей Авеля
одинок на голом холме.

Кто его воздвиг, нам не ведомо,
как не ведомо ничего.
Это было во время дедово
или даже прадедово.

Ну а там, где мира окраина,
одинок в безлюдье, во тьме
чёрный мавзолей Каина
на таком же голом холме.

2013

ВДОЛЬ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

В.В.Н.

Предельно ясные пейзажи.
Над чистым полем небосклон
да деревянных храмов стражи –
непревзойдённый эталон.
Вся жизнь – грехи да покаянье.
Вдоль русла Северной Двины
в осиновое одеянье
монастыри облачены.
Поставлен каждый без сомненья
и без единого гвоздя.
Бредут сквозь годы затемненья,
шатрами небо бороздя,
срастаясь с лесом и лужайкой
восьмериком на четверик.
В реке под белоснежной чайкой
несётся ярко-чёрный штрих,
петляет пенный след баркаса.
Земля просторна и проста.
И отраженьем в оке Спаса –
Иван Данилыч Калита.

2013

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Начало	3
«Вы шевелите сено на лугу...»	4
Любовь земная	5
Оттиск в памяти	6
Потеря	7
«Все объяснения брошены втуне...»	8
«В ноябрьские сумерки глубже усталость...»	9
Третье января	10
Тарту	11
Солнце	12
«Линялый лес, таясь в глуши укромной...»	13
«Тяга вальдшнепов вечером первого мая...»	14
Царевна-Лягушка	15
Пастух	16
Венчание на крыше	17
«Всё скошено, ромашек снежный ком...»	18
В чёрной воде	19
Свидание	20
Считаю слонов	21
«Этот мир говорит голосами ветвей, облаков, петухов...»	22
Женская песня	23
«Листопад кропит отражения...»	24
«Случайно подслушаю, что заливают дожди...»	25

Первое апреля	26
По старой Москве	27
«Счастливые мечтают, кто о чём...»	28
«Всё оставлено вплоть до шпилек...»	29
«Со временем всё видится иначе...»	30
Младший хор	31
Переезд	32
«Тропинка круто катится с обрыва...»	33
«Луна надышала на небе пятно...»	34
Любовь небесная	35
Прогулка в Уборы	36
«Остановились все часы...»	37
Музыкальный момент	38
Любимый художник	39
«Купал у брода кобылиц...»	40
«Ложусь, как птица, на крыло...»	41
«Под вечер заискрила проседь...»	42
Лицом к лицу	43
Больничная элегия	44
С Агатой	45
Беспробудная зима	46
«Какие сегодня... какие холодные ночи...»	47
«Когда уходит час надежд...»	48
«Давай с тобой уедем далеко...»	49
Золотые шары	50
«Последний день исчерпанного лета...»	51
Оттепель	52
«Легавая пронесится по снегу...»	53
«Белым-бело. Черёмуха и вишни...»	54
Посеребрённый сонет	55
На даче	56
Иное время года	57
Ахтуба	58
В гости	59
Дорога	60
«Желаний нет. А я нарву сирени...»	61

«случилось...»	62
«Вера...»	63
«ты спишь...»	64
Ожидание	65
Дом Мельникова	66
«В зале Врубеля...»	67
Стамбул	68
«Собака разговаривает с эхом...»	70
Дождливое дерево	71
«если будешь меня любить...»	72
«как рано...»	73
«застигнута дождём...»	74
Тоledo	75
Сицилия	76
Ортиджа	77
«все съехались...»	78
«Деревня на холме. Дома теньями...»	79
Сиреневое безумие	80
В белую ночь	81
Сонет кошке	82
Зелёные горы	83
Руины (Юстиниана Прима)	84
Бронзовый Врангель (Сремские Карловцы)	85
Свято-Троицкий храм в Белграде	86
«Нынче самое сиреневое время...»	87
Рим обветшал	88
Каравай	89
Мста	90
Вечер в Заболотье	91
Чёрная Мадонна	92
Февральский полдень	93
Древо	94
Дом помещика	95
Травяное море	96
Уездный город	97
В сумерки по грибы	98

Фотография музыки	99
Осенний котильон	100
Opera immortale	101
«Положу на Библию голову...»	102
Вдоль Северной Двины	103

Галина ЩЕРБОВА

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ

На первом клапане обложки:
Франческо дель Косса. Эверта. 1460

Художественное оформление – Д.В. Логинов
Вёрстка – Л.А. Шелкова
Операторы – Татьяна Барышникова, Ирина Чижикова

*Информационная поддержка –
журнал «Новое время» («The New Times»)*

Издательство «Прогресс-Плеяда»
Гл. редактор С.С. Лесневский
125009, Москва, Тверской бульвар, 14. стр. 1, офис 705
Тел./факс: (495) 648-07-86, 648-07-87
E-mail: progresspl@yandex.ru

Подписано в печать 25.04.2013. Бумага офсетная
Гарнитура «Charter». Печ. л. 3,5. Формат 84x108^{1/32}

ISBN 978-5-7396-0272-5

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1, корп. 6